

DOI: 10.31857/S0130386425010061

© 2025 г. Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА. На примере кампании по делегитимации регентств Северной Африки в период Венского конгресса

Жерлицына Наталья Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: lab95rum@mail.ru

Scopus Author ID: 57202786350; ORCID: 0000-0001-8647-9419; Researcher ID: AAZ-3955-2020

Аннотация. Венский конгресс 1814 г. стал для Европы значимым рубежом перехода к новой системе международных отношений, в основании которой лежала западноцентристская теория прогресса. Мусульманские страны южного берега Средиземного моря, регентства Алжир, Тунис и Триполи, оказались за пределами этой новой системы, которая санкционировала отмену их суверенитета и интервенционистскую политику по отношению к ним. Исследования истоков европейского колониализма, развенчания сложившихся в XVIII–XIX вв. в европейской политике и культуре уничтожительных стереотипов в отношении мусульманских стран и ислама, империалистических по своей природе, приобретают ныне особую актуальность. Новизна исследования – в демонстрации тесной связи между новой западноцентристической идеологией, воцарившейся в Европе после 1814 г., и практикой – насилиственным вмешательством в дела стран Северной Африки и, в конечном счете, их колонизацией. Источниками для данного исследования выступили работы европейских философов и политических активистов конца XVIII – начала XIX в., печатные издания той эпохи, материалы Архива внешней политики Российской империи. Использованная в статье историография включает работы как основоположника темы ориентализма Э.В. Саида, так и современных авторов, как российских, так и западных, посвященные теме истоков колониализма. Автор пришел к выводу, что Венский конгресс стал этапным событием в отношениях Европы и стран Северной Африки: именно тогда был поставлен под сомнение правовой статус стран региона, что в будущем привело к их колонизации.

Ключевые слова: Европа, страны Северной Африки, колониализм, пиратство, Венский конгресс, идеология, внешняя политика, ориентализм.

N.A. Zherlitsina

The Ideological Origins of European Colonialism: The Case of the Campaign to Delegitimise the Regencies of North Africa During the Congress of Vienna

Natalia Zherlitsina, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: lab95rum@mail.ru

Scopus Author ID: 57202786350; ORCID: 0000-0001-8647-9419; Researcher ID: AAZ-3955-2020

Abstract. In the article, the author examines the ideological underpinnings of Europe's transition to colonialism in the nineteenth century. The Congress of Vienna in 1814 represented a pivotal juncture in Europe's transition towards a novel system of international relations, one that was predicated on a Western-centric theory of progress. The Muslim countries on the southern

shores of the Mediterranean, specifically Algeria, Tunisia, and Tripoli, were excluded from this newly established system. Consequently, it permitted the abrogation of their sovereignty and interventionist policies towards them. The purpose of this article is to elucidate the historical origins of European colonialism and to challenge the pejorative stereotypes regarding Muslim countries and Islam that pervaded European politics and culture during the 18th and 19th centuries and were imperialistic in their character. The distinctive contribution of this study is to illustrate the intrinsic link between the ascendant Western-centric ideology that emerged in Europe following 1814 and the practice of coercive intervention in the domestic politics of North African countries, which ultimately resulted in the colonisation of the region. This study draws upon the works of European philosophers and political activists from the late 18th and early 19th centuries, along with printed publications from that era and documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. The article adopts a historiographical approach that draws upon the works of Edward Wadie Said, the seminal figure in the field of Orientalism, as well as those of contemporary scholars from Russia and the West who also contributed to the study of the origins of colonialism. The author posits that the Congress of Vienna constituted a pivotal moment in the relationship between Europe and the countries of North Africa. It was at this juncture that the legal status of the region's countries was called into question, a process that ultimately led to their colonisation.

Keywords: Europe, North African countries, colonialism, piracy, Congress of Vienna, ideology, foreign policy, Orientalism.

Турбулентный период мировой истории, начавшийся революционной войной в Америке (1765–1783), продолжившийся Великой французской революцией (1789) и Наполеоновскими войнами, завершился созывом Венского конгресса в 1814–1815 гг., разработавшего ряд важных правил и новых норм международных отношений. Возникла система международных отношений, обеспечивавшая долговременный баланс сил между соперничающими государствами континента. Вместе эти соглашения отражали превращение Европы из географического пространства в политическое и знаменовали появление у европейцев новых политico-идеологических принципов, которые надолго пережили сами венские соглашения. Изменения коснулись не только политических аспектов взаимоотношений держав, но и общепринятых норм, самоощущения и взглядов на мировой порядок. Возникли такие понятия, как «права наций», «международное сообщество»; публично порицалось рабство, хотя крепостное право и кабальный договор в большей части Европы сохранялись еще долгое время. Пропагандировался общий образ действий во имя международной законности против «врагов человечества», утвердился «концепт цивилизованных наций» как альтернатива «непросвещенному деспотизму». Живым воплощением того, что в «новой» Европе называли этим термином, стали исламские режимы южного берега Средиземного моря, входившие в состав Османской империи, – регентства Алжир, Тунис и Триполи. В соответствии с итогами Венского конгресса, Высокая Порта оставалась за пределами Европы, незащищенной ее публичным правом, в то время как ее обширные окраины, имеющие большое экономическое и geopolитическое значение, превратились из субъектов в объекты колониальной политики великих держав.

С ранних периодов истории Средиземноморье являлось ареной взаимодействия и периодического столкновения двух цивилизаций – христианской и мусульманской. С XVI в., времени наивысшего расцвета и территориального расширения Османской империи, Средиземноморский регион в значительной своей части находился под властью и влиянием османов. В XVII и XVIII вв. значение Средиземноморья только росло: выход к морю и к торговым путям региона рассматривался как жизненный приоритет для большинства европейских стран. И Европа, и Османская империя, часто воюя между собой, тем не менее уважали претензии друг друга на универсализм цивилизаций и культур¹. Примером такого уважения может служить система капитуляций в Османской империи – односторонних привилегий

¹ Прожогина С.В. Пассеизм и тревога за будущее (магрибинцы о себе и о мире) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 74–77.

европейцам и лицам, находившимся под их покровительством, гарантировавших иностранным подчинение законам родной страны. На всей территории Османской империи, в том числе в регентствах Северной Африки, европейские консулы, впервые представлявшиеся мусульманскому правительству, должны были преподнести ему ценные подарки и поцеловать руку, что символизировало признание ими османских властей в качестве временного султана. Противостояние между христианами и мусульманами было, по сути, смягчено многочисленными соглашениями, регулирующими конкретные ситуации взаимодействия, которые позволяли поддерживать разнообразные отношения в рамках большого Средиземноморья.

Новая политическая культура Европы, утвердившаяся после Венского конгресса, опиралась на веру в собственное естественное превосходство над другими цивилизациями. Это особое сознание базировалось на ранних античных и христианских основах, кристаллизовалось в эпоху Просвещения в светское мировоззрение, отказ от религии, а в XIX в. к нему добавилась доля расизма.

Новая идеология опиралась на универсалистские эгалитарные ценности Великой французской революции 1789 г., зафиксированные в Декларации прав человека и гражданина. Эти идеалы зародились в просветительской среде в рамках западноцентристской теории прогресса. Европейские теоретики пришли к выводу, что прогресс зависит от рациональности и когнитивных способностей членов общества, так что люди, живущие в обществах, находящихся на более ранних стадиях развития, стали описываться как примитивные: порабощенные суевериями, неспособные к абстрактному мышлению, необходимому для соблюдения договоров, не заслуживающие доверия, неспособные участвовать в управлении собственным обществом не только из-за неграмотности или отсутствия образования, но и из-за глубоко укоренившихся «цивилизационных недостатков». Понимаемая таким образом сама идея линейного развития или прогресса должна расцениваться как империалистическая по своему характеру.

В универсалистском видении Европа стояла на вершине истории, предоставляя европейцам моральную власть для навязывания прогресса менее развитым обществам, используя в том числе насилие и принуждение. Этот прогрессистский универсализм оправдывал европейское колониальное правление как благо для отсталых подданных. Он санкционировал отмену суверенитета многих «туземных» государств и интервенционистскую политику в системах образования, права, собственности и религии колонизированных обществ. О том, что за идеей европейского превосходства стоит определенная идеология, писал основоположник постколониальной теории и автор «Ориентализма» Э.В. Сайд: «Ни империализм, ни колониализм не являются простыми актами накопления и приращения. Оба они поддерживаются и, возможно, даже приводятся в движение мощными идеологическими образованиями, которые включают в себя представление о том, что определенные территории и народы нуждаются и дажезывают о господстве над ними, а также связанные с таким господством формы знания»². С развитием этого направления империалистической либеральной мысли был забыт более терпимый и плюралистический универсализм, основанный на равной рациональности всех людей и вере в то, что нормы морали и справедливости, регулирующие отношения внутри Европы, также обязывают европейцев в их отношениях с другими обществами.

Провозглашенная Французской революцией триада принципов – свобода, равенство, братство – не имела универсального распространения, ограничиваясь исключительно западным цивилизационным ареалом. Человечество в просветительской версии прогресса дифференцировалось на три ступени: дикость – варварство – цивилизация. Французские публицисты, а впоследствии и политики объявили, что их правительство имеет особую миссию по цивилизированию коренных народов, находящихся под его контролем, то, что они называли своей цивилизаторской миссией (*mission civilisatrice*). Идея цивилизаторской миссии опиралась на некоторые фундаментальные предпосылки о превосходстве французской культуры. Французские философы конца XVIII – начала XIX в. К.А. Гельвеций, Д. Дидро,

² Сайд Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012. С. 51.

Ш.Л. Монтескье, М.А. Кондорсе рассуждали о неприменимости к странам Востока модели правового государства и об имманентности для них деспотизма³. Виной тому, по мнению французских интеллектуалов, были воинственность и жестокость мусульманской религии, а также догматичное следование предписаниям ислама. «В деспотических государствах религия имеет большее влияние, чем во всех прочих; она – страх, прибавляемый к страху. Отчасти из ее источника и черпает народ в магометанских государствах ту изумительную преданность, которую он питает к своим государям»⁴. Эта мысль была поддержана и другим влиятельным французским политиком и идеологом колонизации Алжира А. Токвилем. Он утверждал, что ислам не способствует общественному прогрессу. Ведь в мусульманском обществе нет разделения между гражданской и религиозной властью⁵. Поэтому «такая могущественная и цивилизованная нация, как наша, которая уже одним фактом своего превосходства в знаниях оказывает почти непреодолимое влияние на небольшие племена, более или менее варварские, и потому лучше заставить их включиться в нее»⁶. Вера в превосходство европейской цивилизации, презрение к неевропейским культурам и уверенность в том, что просвещенная мораль европейцев может и скоро заменить отсталые культуры других частей мира через процесс опеки – вот основные постулаты труда М.А. Кондорсе «Набросок исторической картины прогресса человеческого разума»⁷.

Европа стала представлять себя как универсальную сущность, имеющую глобальное значение. Европейская цивилизация отныне рассматривалась как авангард мировой истории, образец и пример для остального мира. Это был, несомненно, линейный взгляд на прогресс, квинтэссенция европоцентризма. Идеологам данного направления представлялось, что новая международная система – это проект европейской консолидации, которая постепенно будет включать в себя другие государства по мере того, как они достигнут соответствующего «уровня цивилизации». Пока же этого не произошло, христианский европейский союз должен стать авторитетным арбитром политической легитимности неевропейских государств как модель для будущего и судья для настоящего⁸. Европейское международное право, благодаря высокому цивилизационному статусу Европы, должно было распространиться на остальной мир, поэтому европейцы получили право диктовать условия правового взаимодействия «отсталым», «варварским» и «диким» народам. Гегемонистский универсализм Европы базировался на убеждении, что правила собственного общества представляют собой универсальные моральные стандарты, которым в конечном счете будут соответствовать другие. Универсаллизм, основанный на таком описании прогресса, считает различное отношение к многообразным общностям не только оправданным, но и необходимым моральным долгом. Именно из этого постулата выросла идея о «бремени белого человека». Ориентализм, который в XIX в. являлся общеевропейским дискурсом, разделяемым разными колониальными державами, позиционировал Восток как пассивный субъект западного влияния.

Если средиземноморская дипломатия раннего Нового времени характеризовалась равновесием между несколькими конкурирующими нормативными системами и переговорами о нормах, которые устранили противоречия, то теперь, с началом XIX в., принцип взаимности стал применяться только к тем, кого европейские правительства считали цивилизованными. Цивилизация стала ключевым термином в доктрине конца XIX в.: только цивилизованные государства мира были частью этого сообщества, остальные считались варварскими и просто исключались. Цивилизация, культура и религия использовались для оправдания исключения некоторых субъектов из международных отношений. Вот что писал юрист и дипломат

³ Мигаль А.С. Концепт «восточный деспотизм» в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 150–162.

⁴ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 25.

⁵ Richter M. Tocqueville on Algeria // The Review of Politics. 1963. Vol. 25. № 3. P. 362–398.

⁶ Tocqueville A. Deuxième Lettre sur l'Algérie. Paris, 1837. P. 12.

⁷ Condorcet M.J. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Oeuvres complètes de Condorcet. Vol. 8. Paris, 1804.

⁸ Pitts J. A turn to Empire: the rise of imperial liberalism in Britain and France. Princeton, 2005. P. 187–192.

Ф.Ф. фон Мартенс: «Сфера действия международного права ограничивается такими народами, которые принимают основные принципы европейской культуры и, следовательно, заслуживают называться цивилизованными нациями. Особые социальные и публичные условия, в которых живут мусульмане, а также языческие и примитивные племена, делают абсолютно невозможным применение международного права в любых отношениях с этими некультурными или полукультурными народами»⁹. В отношении этих народов стало использоваться не международное право, основанное на принципиальном равенстве субъектов права, а колониальное право, позволявшее оправдывать неравноправные договоры и колониальные захваты.

Новая самооценка Европы как сообщества исключительных ценностей породила агрессивное неприятие плюрализма норм, которые ранее формировали процессы политического и правового регулирования в мире. Европа после Венского конгресса сформировала себя как культуру, устанавливающую универсальный порядок. Таким образом, колониальные грабежи XIX в. стали возможны из-за презрения европейских держав к политическому, культурному и правовому своеобразию азиатских и африканских государств.

На практическом уровне утверждение новой европейской системы международных отношений сопровождалось агрессивными заявлениями об универсальной значимости норм, в соответствии с которыми эта новая система создавалась. Произошел пересмотр того, кто имеет права участвовать в международных отношениях в средиземноморской дипломатической практике. На фоне резко возросшего военного и экономического дисбаланса между Европой и странами Востока те, кто в XVIII в. признавался суверенным и считался опасным противником, теперь были лишены этого статуса. Как на материальном, так и на символическом уровне плюрализм эволюционировал во все более неравноправную биполярность и в конечном счете привел к экономическому, военному и символическому преобладанию так называемых «цивилизованных» европейских держав над «нецивилизованными» провинциями Османской империи. Эти экономические, военные и культурные преобразования сильно ударили по османским регентствам Тунису, Триполи и Алжиру. Делегитимация этих вчерашних партнеров-соперников Европы по Средиземноморью осуществлялась несколькими путями: силовыми средствами, правовым игнорированием, идеологической дискредитацией, социальным отчуждением, национальной дискриминацией. Основным поводом, который использовала Европа для делегитимации стран Магриба, стало пиратство.

Эпоха первоначального накопления капитала характеризовалась в Средиземноморье этим явлением, которое получило распространение в XVI–XVIII вв., к нему прибегали как европейские державы, так и страны Северной Африки. История корсаров была частью общесредиземноморского феномена, связанного с вопросами дипломатических отношений между государствами. Пиратство, даже будучи выражением глобального христианско-мусульманского соперничества, тем не менее создавало возможности для обмена мнениями, переговоров и соглашений. К началу XIX в. европейские государства и регентства установили давнюю традицию постоянных дипломатических контактов и международных отношений. Основные европейские державы имели с регентствами Северной Африки договоры, гарантировавшие их флоту безопасность от действий пиратов. Магрибинские корсары атаковали корабли только тех стран, с которыми договоров на данный момент заключено не было. Корсарство и коммерция не были взаимоисключающими явлениями. Напротив, пиратство стимулировало коммерцию и контакты в Средиземном море. Комерческие учреждения европейских стран активно действовали на территории Северной Африки после заключения мирных и торговых соглашений. Государства создавали и расширяли консульские учреждения, а торговые дома укрепляли свои позиции.

Также корсарство представляло собой средство конкурентной борьбы держав, контроля жизненно важных путей международной торговли Средиземноморья. Корсары были

⁹ Vec M. Universalization, Particularization, and Discrimination. European Perspectives on a Cultural History of 19th century International Law // Inter Disciplines. 2012. № 2. P. 90.

уполномоченными для участия в средиземноморской системе морских войн, практикуемых соперничающими империями в периоды между крупными военными столкновениями. В XVI–XVIII вв. европейские правительства признавали статус североафриканских корсаров как законных куперов. Поскольку североафриканское корсарство приносило солидный доход за счет добычи трофеев и выкупа пленных, к XVII в. оно превратилось в настоящую индустрию, привлекая военных, искателей приключений и христиан-ренегатов со всего Средиземноморья¹⁰.

По мере развития международной морской торговли и распространения международных договоров в XVIII в. объем пиратства как со стороны европейцев, так и со стороны магрибинцев значительно сократился. Мирные соглашения уменьшили число потенциальных целей для пиратов. Как следствие, куперские флоты Алжира, Туниса и Триполи постепенно сокращались. К концу 1700-х годов они сократились до нескольких кораблей у каждого из регентств. Таким образом, магрибинское куперство, как и пиратство христианских орденов, таких как Мальтийский орден и Тосканский орден Святого Стефана, долгое время являвшиеся обычной чертой средиземноморской жизни, к 1780-м годам стали постепенно угасать. Казалось, что пиратство близится к концу, но эпоха революций потрясла средиземноморский регион. Французская революция и Наполеоновские войны обратили вспять тенденцию к упадку корсарства. Война между Францией и противоборствующими коалициями европейских держав привела к крупномасштабному возвращению куперства в Средиземное море в 1790-х годах. К примеру, Алжирское регентство увеличило количество корсарских судов с 8 до 30, соседняя Триполитания нарастила свой флот с 3 до 11 кораблей¹¹.

Но главными действующими лицами этой новой главы в истории куперства были не только североафриканские корсары – на арену вновь вышли и европейские представители этого цеха. Так, в январе 1793 г. Французская республика издала указ, призывающий к оснащению куперов¹². Эта новообретенная склонность французов к куперству оказалась особенно неприятной для небольших стран, которым не хватало защиты со стороны собственного сильного военно-морского флота. Куперство вновь стало испытанным способом ведения войны среди европейских держав. Государства широко использовали куперов во время военных конфликтов, последовавших за 1789 г., в том числе во время войны 1812 г. и испано-американских войн, несмотря на то, что они неоднократно убеждались, что рейдеров, имеющих лицензию, нелегко контролировать.

Правители Алжира, Туниса и Триполи начали эпоху революционных войн с того, что снарядили больше корсаров и увеличили свои военно-морские силы, но этот последний всплеск пиратства в Средиземноморье был недолгим. Гораздо большие доходы можно было получить, снабжая войска и флоты противоборствующих армий Европы продовольствием. В результате североафриканское корсарство почти окончательно сошло на нет, сократившись до эпизодических атак во время войн Наполеоновской империи (1804–1814). Важной причиной окончания эры пиратства было силовое преобладание и господство британского флота в Средиземном море. Английский военно-морской флот стал доминирующей силой в этих водах, а британские войска постоянно присутствовали на о. Мальте и Пиренейском полуострове¹³. Этот расширяющийся военный комплекс в значительной степени зависел от поставок продовольствия, скота и фураж из Северной Африки.

Во всяком случае, всплески и спады активности корсаров в 1793–1813 гг. указывают на то, что североафриканские провинции не находились в постоянной конфронтации с Европой или христианством. Ревностные христианские памфлетисты и официальные лица в Европе позже представили ложную картину «варварской кровожадности» и «фанатичного» насилия магрибинцев, которые действовали вне рамок всех правовых норм. Но на самом деле международные отношения Алжира, Туниса и Триполи с христианскими державами были

¹⁰ Panzac D. *Barbary corsairs: The end of a legend, 1800–1820*. Leiden, 2005. P. 47.

¹¹ Merouche L. *Recherches sur l'Algérie à l'époque ottoman*. Vol. 2. *La course: Mythes et réalité*. Saint-Denis, 2007. P. 255–256.

¹² Bono S. *Les corsaires en Méditerranée*. Paris, 1998. P. 68–73.

¹³ Holland R. *Blue-water Empire: The British in the Mediterranean since 1800*. London, 2012. P. 14–15.

продиктованы pragmatischen соображениями меняющейся международной ситуации и экономической трансформацией в регионе Средиземноморья. Как только войны в Европе закончились и торговая ситуация нормализовалась, магрибинская торговля стала не нужна Европе и купцам из Магриба официально запретили поставлять продовольствие в Италию и Францию, что нанесло существенный удар по экономике регентств¹⁴.

Таким образом, к началу XIX в. пиратство в Средиземноморье уже не представляло такой опасности, как двумя веками ранее, у североафриканских регентств пиратский флот сократился до единичных судов, они сами уже не рассматривали капрество как средство получения существенных доходов для казны. Тем не менее в Европе продолжали использовать эту проблему как предлог, чтобы давить на регентства, доказывая их «дикость», «кровожадность» и «неполноценность». 1814–1815 гг.– важный поворотный момент, положивший начало переходному периоду. Венский конгресс создал международный контекст, в котором североафриканское корсарство стало восприниматься как угроза безопасности. Это новое восприятие угрозы основывалось на неверных представлениях о предполагаемом фанатизме и иррациональности, которые, как утверждалось, характерны для североафриканского населения. На конгрессах в Вене и Ахене (1818) Европа наложила запрет на деятельность корсаров, до сих пор считавшуюся законной практикой ведения войны, но теперь объявленную пиратством. Государственные и общественные деятели, дипломаты и журналисты со всей Европы развернули в период работы Венского конгресса активную кампанию с целью обратить всеобщее внимание на проблему североафриканского пиратства.

Самым известным сторонником действий против североафриканских корсаров на конгрессе был британский адмирал Сидни Смит. Он приложил все усилия, чтобы поднять Европу против корсаров, опираясь на элементы новой политической культуры. Он написал брошюру «Записки о необходимости и средствах пресечения варварийского пиратства» (Варвария – так в европейских источниках того времени называлась Северная Африка) и опубликовал ее как на французском, так и на немецком языках для распространения среди европейских правителей и государственных деятелей, а также для прессы¹⁵. В ней Смит называл «отвратительным» то, что «цивилизованные народы» могут становиться жертвами «вождей разбойников». По его словам, это было абсурдное и чудовищное положение дел, «возмутительное» для религии, человечности и чести. Смит предложил создать многонациональный флот, который бы мог отслеживать, арестовывать и преследовать «пиратов» на суше и на море. «Варвары в Африке» должны быть урезонены «увещеваниями, угрозами или репрессиями».

Хотя Смит и не выступал за прямое завоевание и колонизацию, он все же предложил держать североафриканские регентства в узде, постоянно угрожая применением силы. Тем самым он поставил под сомнение суверенитет регентств как равноправных политических образований, а дипломатию с Северной Африкой назвал «устаревшим абсурдом». По его мнению, «прогресс просвещения и цивилизации» не оставит места для «варварских набегов». Адмирал писал, что безопасность на море зависит от того, смогут ли североафриканские страны соответствовать цивилизованной модели государства или, другими словами, смогут ли они придерживаться европейских идеалов дипломатии. Смит ссылался на дихотомию цивилизованного и варварского, на исторические траектории прогресса, чтобы оправдать применение запугивания и силы. Отсутствие пиратской угрозы европейскому судоходству было бы обеспечено только в том случае, если бы правительства в Северной Африке согласились жить в «гармонии со всеми цивилизованными нациями». Таким образом, в его труде представлена ранняя концепция международного порядка безопасности, который должен был возникнуть в Средиземноморье на основе новых европейских правил и с претензией на «всеобщую» выгоду.

¹⁴ Chater K. Dépendance et mutations pré-coloniales: la Régence de Tunis de 1815 à 1857. Tunis, 1984. P. 53.

¹⁵ Smith W. Mémoire sur la nécessité et les moyens de faire cesser les pirateries des états barbaresques. London, 1814.

Тогда же Смит основал ассоциацию «Рыцари – освободители белых рабов в Африке». Адмирал настаивал на том, чтобы международные военно-морские силы выступили против североафриканских стран, если те не откажутся от захвата европейских пленников. Смит предложил себя в качестве потенциального командира международного флота для пресечения деятельности корсаров¹⁶. Военно-морская эскадра должна была не только «обеспечить коммерции абсолютную безопасность, но и в конечном счете цивилизовать побережье Африки». Как писал адмирал в своей брошюре, его целью было «помочь осуществить превращение того, что со времен Барбароссы было по сути пиратскими государствами, в правительства, полезные для торговли и находящиеся в гармонии со всеми цивилизованными нациями».

Смит не был единственным активистом, выступавшим за борьбу с североафриканским пиратством на конгрессе. Делегат от сохранившего высокий статус «вольного города» Любека Иоганн Хах привез в Вену меморандум под названием «Народное желание», содержавший исторические иллюстрации «вероломства» правительства Северной Африки в отношении международных договоров. В труде содержался призыв к новому крестовому походу против Северной Африки, который бы обеспечил безопасность на берегах Средиземного моря, торговый и научный прогресс и нанес бы «смертельный удар по исламу»¹⁷.

Мэр ганзейского Бремена Франц Тидеман заявил на конгрессе, что уничтожение «североафриканских государств-грабителей» и прекращение их пиратства должно стать центральным элементом любой программы достижения мира в Европе. Тидеман предложил создать европейский «защитный альянс» для наступления на регентства Северной Африки. Объединив усилия, европейские союзники могли бы «изгнать турок из Европы» и навсегда изгнать их из Средиземноморья. Победители будут, по словам мэра, вознаграждены территориальными трофеями: Британия получит Египет, Франция, Португалия и Испания смогут колонизировать Северную Африку. Тидеман рассчитывал, что распределением завоеванных территорий займется один из следующих европейских конгрессов. Логика мэра Бремена базировалась на принципах прогресса, как его стали понимать в Европе в начале XIX в. Тидеман увязывал планы покорения Северной Африки с более широкой перестройкой европейского международного порядка. Он направил свои просьбы Венскому конгрессу, поскольку именно там должен был быть создан этот новый порядок. Из его высказываний видно, что европейские политики того периода рассматривали борьбу с пиратством как один из элементов установления нового порядка, при котором Европа будет диктовать свои правила остальному миру¹⁸.

Большой вклад в дело делегитимизации стран Северной Африки в период Венского конгресса внесли европейские дипломаты. Так, посол Австрийской империи в Риме барон Л.И. Лебцельтерн был сторонником силовых мер против «африканских варваров, таких многочисленных и чьи средства ежегодно пополняются золотом и данью христианских правителей, которые унижают себя, чтобы купить год спокойствия». Достоинство европейцев, благополучие подданных стран Европы, будущая безопасность Европы – все это зависит от победы над североафриканскими пиратами, уверял дипломат¹⁹. Консул Батавской республики в Тунисе А. Ниссен еще в 1804 г. писал, что власти регентства «пытаются иногда диктовать свои законы более достойным странам... Они позволяют себе нагло требовать дань с представителей европейских наций, по отношению к которым они безнаказанно и своевольно нарушают наиболее ясные и точные международные договоры». Консул также склонялся к идее, что только военная операция против «этого разбойниччьего гнезда» может положить конец «преступному и позорному пиратству»²⁰.

¹⁶ Weiss G. Captives and Corsairs: France and Slavery in the Early Modern Mediterranean. Stanford (CA), 2011. P. 147–150.

¹⁷ Hermann F. Ueber die Seeräuber im Mittelmeer und ihre Vertilgung: Ein Völkerwunsch an den erlauchten Kongreß in Wien. Lübeck, 1815. P. 122.

¹⁸ Tidemann F. Wass könnte für Europa in Wien geschehen? Beantwortet durch einen Deutschen. [S.I.], 1814.

¹⁹ Vick B.E. The Congress of Vienna. Power and Politics after Napoleon. Cambridge (MA), 2014. P. 222.

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (I). 1804 г. Д. 1532. Л. 44–47.

Обширная кампания против регентств Северной Африки была развернута в европейской прессе. В сентябре 1814 г. лондонская газета *Morning Chronicle* отмечала: «Мы верим, что на конгрессе будет принята резолюция о разрушении всех портов, кораблей и арсеналов на побережье Варварии и ввода туда сухопутных сил, чтобы предотвратить возобновление грабительской системы»²¹. Редактор пражского периодического издания *Hesperus* К.К. Андре призвал читателей поддержать согласованное применение силы против «государств-корсаров»²². Принудительные меры, утверждал он, послужили бы гораздо лучше, чем продолжение практики выкупа пленных, которая просто увековечивает проблему, поддерживая этот рынок. Крупная немецкая газета *Allgemeine Zeitung* опубликовала статью, в которой решительно поддерживала как кампанию Смита против «гнезд корсаров», так и его кандидатуру на пост руководителя такой экспедиции²³. Даже издания неполитического профиля поощряли антимагрибинский тренд. Так, немецкий журнала «Журнал литературы, искусства, роскоши и моды» сообщал о «грандиозном и благородном плане С. Смита», который «направлен на то, чтобы с помощью эскадры и корпуса десантных войск искоренить пиратские государства на африканском побережье»²⁴. Лондонская *Morning Chronicle* вышла с обращением к правителям Европы искать территориальных приращений не в близлежащих землях, а в Варварии и «полностью уничтожить ее пиратские государства»²⁵.

Пиратство – именно этот аспект жизнедеятельности стран Северной Африки стал основой для «черной легенды о Варварии»: с этим именем в истории связано представление о Магрибе как опасном очаге пиратства, рабства христиан, варварства жителей. Этот миф, сформированный в европейской литературе и прессе, исказил историю, представив алжирцев, тунисцев, ливийцев и марокканцев как заядлых морских разбойников, которые занимались грабежами на море, не соблюдали договоры, хитростью и коварством захватывали европейские суда и моряков, жестоко обращались со своими пленниками. Образ варварийского пирата в европейском сознании сделался средством конкурентной борьбы в информационной войне того времени. Существовал глубокий разрыв между историческими реалиями средиземноморской жизни и упрощенной картиной, проецируемой в Европе, согласно которой пиратство было единственным занятием и источником экономической жизни регентств Северной Африки, а магрибинскими правителями и народами двигал безжалостный религиозный фанатизм. Местные правительства, обвиняемые в европейских источниках в насильственной узурпации власти, в том, что они по своей природе ненадежны, были одновременно теми, с кем европейские державы развивали современные той эпохи формы регулирования и защиты свободы судоходства и торговли. Успешные мирные переговоры с опасными морскими державами, ка-ковыми считались магрибинские регентства в XVI–XVII вв., воспринимались положительно всеми, кто тогда участвовал в морской торговле и войне. Вот как, например, лондонская газета 1676 г. подала заключение Великобританией договора с Триполи: «Мы получили подтверждение того, что сэр Джон Нарбру 5 марта заключил мир с губернатором Триполи к чести Его Величества и к выгоде всей нации в ее торговле и мореплавании»²⁶.

Еще одним способом делегитимации стран Магриба в Европе начала XIX в. являлись дискурсивные стратегии, подчеркивающие инаковость, исключение «другого» из собственного

²¹ Politics and the Press, 1780–1850 / ed. A. Aspinall. London, 1949. P. 297.

²² *Hesperus*. Feb. 1815. № 10. P. 73–74 // URL: https://archive.org/details/bub_gb_ZSw8AQAAIAAJ (дата обращения: 11.07.2024).

²³ *Allgemeine Zeitung*. 19.I.1815 // URL: https://archive.org/details/bub_gb_maZHAQAAIAAJ (дата обращения: 04.06.2024).

²⁴ *Journal für Literatur, Kunst, Luxus und Mode*. Dec. 1814. P. 778 // URL: https://zs.thulb.uni-jena.de/receive/jportal_jpjournal_00000359 (дата обращения: 21.06.2024).

²⁵ *Morning Chronicle*. 29.IX.1814 // URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1814-01-01/1814-1231?newspaperTitle=Morning%20Chronicle> (дата обращения: 24.06.2024).

²⁶ *Cutter N. Peace with Pirates? Maghrebi Maritime Combat, Diplomacy, and Trade in English Periodical News, 1622–1714 // Humanities*. 2019. № 8 (4). Article № 179. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0787/8/4/179> (дата обращения: 27.06.2024).

нормативного порядка. В контексте революционных идеологических изменений отсталость «варварского» Магриба, в отличие от «цивилизованной» Европы, стала центральной темой всевозможных описаний. Так, в донесении генерального консула Франции в Тунисе М. де Лессепса правящая семья беев Туниса описывается в снисходительно-презрительной манере, консул сравнивает их с детьми, неспособными воспользоваться преимуществами французской военной техники, которую они изначально не могли себе позволить: «Эти принцы – взрослые и невежественные дети; они хотят все, о чем слышат от кого-то; это разжигает их любопытство, даже если они не в состоянии подсчитать, во что обойдется им желанный объект и принесет ли он им какую-либо реальную пользу»²⁷.

Европейские консулы в странах Магриба в период до и особенно после Венского конгресса стремились подчеркнуть свою инаковость, требуя изменения традиционного придворного церемониала. В 1816 г. европейские консулы совместно попросили и получили право быть принятными тунисским беем отдельно от его подданных. Теперь им разрешалось ожидать аудиенции в отдельных апартаментах, не общаясь с подданными бея²⁸. Хотя традиция целования рук консулами сохранялась, отсутствие публичности снижало ее символическую значимость. Окончательно поцелуй руки был отменен в 1836 г., уже после того, как Франция оккупировала Алжир в 1830 г. До 1836 г. отказ консула от поцелуя руки правящего бея всегда приводил к временному разрыву отношений, такого консула отказывались принимать в стране. Так было, например, в 1817 г., когда американский консул, заявив, что не станет целовать руку даже президенту Соединенных Штатов, отказался поцеловать руку правящему бею²⁹.

На индивидуальном и коллективном уровнях образ варварского Магриба, ассоциирующийся с жестокостью корсарской войны, служил для оправдания действий европейских стран, которые были бы неприемлемы в других контекстах. Столь быстрые и разительные перемены в отношениях со стороны европейцев, еще вчера заключавших со странами Северной Африки договоры о мире и плативших дань за спокойствие своего торгового флота, с трудом воспринимались в Магрибе. Власти регентств понимали угрожающий характер надвигающихся перемен, но не имели экономических и военных средств для их отражения.

Таким образом, Венский конгресс стал поворотным моментом в концептуализации новой идеологии международных отношений, подразумевавшей общеевропейское осуждение и насилиственное вмешательство в дела «пиратских» и «варварских» государств Северной Африки, поскольку, по мнению европейцев, они теперь считались противостоящими цивилизации. В более общем смысле нормативный свод заключительных актов конгресса лишил легитимности власти североафриканских регентств как международно признанных суверенов. Быстрый переход от классификации корсаров как союзников или воюющей стороны во время недавних войн к объявлению их вне закона и пиратству в новое мирное время стал разрывом с прошлым. Конгресс изменил представления о пиратстве и безопасности на Средиземном море благодаря усилиям дипломатов, общественных активистов и прессы.

Моральный настрой участников конгресса и их риторика подкреплялись заявлениями о том, что североафриканское корсарство представляет угрозу безопасности Европы, требующую принятия общих репрессивных мер. Заключение всеобщего мира создало возможности для того, чтобы эти новые взгляды переросли из теории в практику. Эта идея в конечном счете привела к повороту к насилиственному вмешательству в дела стран Северной Африки, проложив путь будущим колониальным захватам.

Заключительные акты Венского конгресса стали «первым всеобщим миром, заключенным в форме многостороннего договора», который обеспечил «своего рода конституционный

²⁷ Windler C. *La diplomatie comme expérience de l’Autre. Consuls français au Maghreb (1700–1840)*. Geneva, 2002. P. 167.

²⁸ Greene M. *A Shared World: Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean*. Princeton, 2000. P. 116.

²⁹ Talbot M. *British-Ottoman Relations, 1661–1807. Commerce and Diplomatic Practice in Eighteenth-Century Istanbul*. Woodbridge, 2017. P. 105–107.

порядок в Европе»³⁰. Это объединение было исключительно христианским, европейским и «цивилизованным». Мусульманские страны не были его частью, но именно они ощутили на себе, как оно работает. Уважение к старым договоренностям с регентствами Северной Африки не исчезло мгновенно. Тем не менее возникла неопределенность в отношении правового статуса государств Северной Африки. Статус Османской империи в рамках развивающейся европейской системы оставался еще одним особенно сложным вопросом, указывающим на несоответствия нового дипломатического порядка. Неравноправные договоры, приведшие к колониальным захватам в последующие десятилетия, стали символизировать характер этих новых отношений.

Библиография / References

Мигаль А.С. Концепт «восточный деспотизм» в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 150–162.

Монтиескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.

Прожогина С.В. Пассеизм и тревога за будущее (магрибинцы о себе и о мире) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 74–77.

Сайд Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012.

Migal A.S. Kontsept “vostochniy despotism” v predstavleniyakh frantsuzskikh prosvetiteley o muslimanskom vostoke [The concept of “Oriental despotism” in the ideas of French enlighteners about the Muslim East] // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2015. № 11 (47). S. 150–162. (In Russ.)

Montesquieu S.L. O dukhe zakonov [On the spirit of laws]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Prozhogina S.V. Passeizm i trevoga za budushee (magribintsi o sebe i mire) [Passeism and anxiety for the future (Maghreb people about themselves and the world)] // Asia and Africa today. 2020. № 10. S. 74–77. (In Russ.)

Said E.V. Kultura i imperializm [Culture and Imperialism]. Sankt-Peterburg, 2012. (In Russ.)

Bono S. Les corsaires en Méditerranée. Paris, 1998.

Chater K. Dépendance et mutations pré-coloniales: la Régence de Tunis de 1815 à 1857. Tunis, 1984.

Condorcet M.J. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. In Oeuvres complètes de Condorcet. Vol. 8. Paris, 1804.

Cutter N. Peace with Pirates? Maghrebi Maritime Combat, Diplomacy, and Trade in English Periodical News, 1622–1714 // Humanities. 2019. № 8 (4). Article № 179. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0787/8/4/179> (access date: 27.06.2024).

Greene M. A. Shared World: Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean. Princeton, 2000.

Hermann F. Ueber die Seeräuber im Mittelmeer und ihre Vertilgung: Ein Völkerwunsch an den erlauchten Kongreß in Wien. Lübeck, 1815.

Holland R. Blue-water Empire: The British in the Mediterranean since 1800. London, 2012.

Merouche L. Recherches sur l'Algérie à l'époque ottoman. Vol. 2. La course: Mythes et réalité. Saint-Denis, 2007.

Panzac D. Barbary corsairs: The end of a legend, 1800–1820. Leiden, 2005.

Pitts J. A turn to Empire: the rise of imperial liberalism in Britain and France. Princeton, 2005.

Politics and the Press, 1780–1850 / ed. A. Aspinall. London, 1949.

Richter M. Tocqueville on Algeria // The Review of Politics. 1963. Vol. 25. № 3. P. 362–398.

Schulz M. The construction of a culture of peace in post-Napoleonic Europe: Peace through equilibrium, law and new forms of communicative interaction // Journal of Modern European History. 2015. № 13 (4). P. 464–474.

Smith W. Mémoire sur la nécessité et les moyens de faire cesser les pirateries des états barbaresques. London, 1814.

Talbot M. British-Ottoman Relations, 1661–1807. Commerce and Diplomatic Practice in Eighteenth-Century Istanbul. Woodbridge, 2017.

Tidemann F. Wass könnte für Europa in Wien geschehen? Beantwortet durch einen Deutschen. [S.l.], 1814.

Tocqueville A. Deuxième Lettre sur l'Algérie. Paris, 1837.

Vec M. Universalization, Particularization, and Discrimination. European Perspectives on a Cultural History of 19th century International Law // Inter Disciplines. 2012. № 2. P. 79–102.

Vick B.E. The Congress of Vienna. Power and Politics after Napoleon. Cambridge (MA), 2014.

Weiss G. Captives and Corsairs: France and Slavery in the Early Modern Mediterranean. Stanford (CA), 2011.

Windler C. La diplomatie comme expérience de l'Autre. Consuls français au Maghreb (1700–1840). Genève, 2002.

³⁰ *Schulz M.* The construction of a culture of peace in post-Napoleonic Europe: Peace through equilibrium, law and new forms of communicative interaction // Journal of Modern European History. 2015. № 13 (4). P. 465.